

КАТЕГОРИИ «ПОЛЬЗА» И «ВРЕД» В ДИАЛЕКТНОЙ ФИТОНИМИКЕ

Статья посвящена процессу объективации внеязыковых категорий «польза» и «вред» в фитонимах на материале среднеобских говоров. Категории «польза» и «вред» описываются как результат аксиологического осмысления реальности, выраженный в языке посредством эксплицитных и имплицитных оценочных коннотаций. В статье рассматривается вопрос о способах хранения и передачи знаний диалектоносителей о полезных и вредных свойствах растений. Описываются и классифицируются три типа когнитивных моделей, использующихся языковым коллективом при категоризации опыта: метонимическая, метафорическая и пропозициональная.

Ключевые слова: когнитивная диалектология; фитоним; среднеобские говоры; оценочная коннотация; категоризация; когнитивная модель; метонимия; метафора.

Процесс познания человеком окружающей действительности включает в себя аксиологическое осмысление реальности. Познающий субъект не только воспринимает объективные свойства предметов и явлений, но и оценивает их. Когнитивная способность человека к такой категоризации мира, в основе которой лежат не столько его реальные свойства, сколько субъективное восприятие, заключающееся в эмоциональных реакциях и рациональных выводах о роли объектов восприятия в жизни человека и общества, объективируется в языке семантической категорией оценки.

Склонность человека к постоянному оцениванию определяет сложную структуру данной категории в языке. Но во всех классификациях выделяется рациональная оценка, которая выражается, в частности, оценкой утилитарной, связанной с повседневной деятельностью человека, с практическим знанием об объекте действительности (Н.Д. Арутюнова [1], Л.М. Васильев [2], Е.М. Вольф [3], М.А. Ягубова [4] и др.). В системе языка утилитарная оценка представлена, например, семантической оппозицией «польза – вред».

Данная семантическая оппозиция объективирует внеязыковые категории пользы и вреда. Так как категория – «это одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [5. С. 45] и «категории обобщают свойства вещей» [Там же. С. 46], знания человека о мире в целом и о природном царстве растений в частности структурируются в том числе и как представления о вещах, приносящих пользу и вред. Такое «концептуальное объединение объектов» [6. С. 23] формирует в ментальной сфере человека категории пользы и вреда, имеющие когнитивный характер.

В статье представлены результаты исследования диалектных названий дикорастущих травянистых растений, объективирующих категории пользы и вреда. Диалект является языком прежде всего сельского населения, для которого природа – это среда повседневного существования. Комплекс знаний о мире растений складывался в деревнях веками и включает обширную сокровищницу сведений, в том числе прагматического, утилитарного характера. Таким образом, функционирующие в диалекте фитонимы представляют ценный материал для исследований категорий пользы и вреда, выраженных одноименной семантической оппозицией.

Обширный корпус диалектных материалов, собранный в течение нескольких десятилетий учеными Томской диалектологической школы, включает большое количество народных названий растений, которые вызывают стабильный интерес у исследователей. Фитонимика среднеобских говоров изучается с 70-х гг. XX в., этот материал привлекается в ряде исследований структурно-семантического и описательного (работы В.Г. Арьяновой), ономастического (работы Н.Д. Голева, В.В. Копчевой и др.), мотивологического (О.И. Блинова, А.С. Савенко и др.) характера.

С конца XX в., в связи с формированием антропоцентрично ориентированного подхода, а также в результате публикации отдельного толкового словаря фитонимов Среднего Приобья [7], появились работы, привлекающие материал среднеобской фитонимики для исследований в лингвокультурологическом (А.С. Разина, О.И. Блинова), этнолингвистическом (В.Б. Колосова, С.Ю. Дубровина) и когнитивном (Н.И. Панасенко, З.И. Резанова) аспектах. В то же время представляется перспективным дальнейшее исследование названий растений, функционирующих в говорах Среднего Приобья, с точки зрения объективации ментальных процессов концептуализации и категоризации, в том числе оценочной, диалектным языковым коллективом.

Источником материала послужил «Словарь фитонимов Среднего Приобья» в 3 томах [Там же], методом сплошной выборки выделено более 1 800 наименований растений, обозначающих дикорастущее травянистое растение. С целью выявления в их среде фитонимов, содержащих утилитарную оценку, проведен ономастический анализ выбранного материала, который заключался в определении признаков и принципов номинации, положенных в основу наименования. Для целей ономастического анализа привлекался справочный ботанический электронный ресурс [8]. В исследование включены как мотивированные, так и немотивированные названия растений. Для работы с последними использовались источники, позволяющие определить этимологию фитонима [9].

Выделенные В.В. Копчевой принципы номинации с прагматическим фактором [10. С. 84–90] стали основанием для включения в исследование группы из 280 наименований растений, имеющих практическое, «полезное» применение в повседневном быту крестьян, в народной медицине и сакральных практиках или

оказывающих вредное и опасное воздействие на человека.

1. Принцип номинации по использованию растения человеком для своих нужд (в медицине, в быту, в сакральных практиках).

ДВЕНАДЦАТИГРЫЖНАЯ ТРАВА. Дендратема Завадского, *Dendrathera Zawadskii* (Herb.) Tzvel. Признак номинации «используется для лечения грыж». «*Двенадцатигрыжная трава от грыжи и для аппетита (Яйск. Итк.)*».

КРЫНОЧНИК. Плаун деряба, *Lycopodium annotinum* L. Признак номинации «используется для мытья крынок». «*Крыночник красивый. <...>. Крынки мыли, он твёрдый (В.-Кет. Мох.)*».

ЙОДОВА ТРАВА. Медуница мягчайшая, *Pulmonaria mollissima* A. Kerner. Признак номинации «используется как йод». «*Йодова трава еще растет у меня в огороде, вспомнила, у ей такой большой широкий лист, её помнут-помнут так, чтобы сок вышел, и обтираются, йода в ней много (Яйск. Арыш.)*».

2. Принцип номинации по использованию растения домашними животными (в основном в качестве корма) и человеком для домашних животных.

ГУСЯЧЬЯ ТРАВА, ЧУШЕЧЬЯ ТРАВА. Гореч птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. Признак номинации «трава, которую едят гуси». «*<...> её любят чушки. Ну и гусята циплют. А большие её любят поросятки. У неё так много названий, у этой травы. Некоторые называют гусячья трава, некоторые – чушечья трава (Том. Бог.)*».

КОРОВНИК. Сныть обыкновенная, *Aegoropodium podagraria* L. Признак номинации «используется как корм для коров». «*Коровы его любят (Юрг. Шал.)*».

СВИНЯЧА ПУЧКА. Бутень Прескотта, *Chaerophyllum prescottii*. Признак номинации «используется как корм для свиней». «*Свиняча пучка везде растет...Её свиньи едят и поправляца (Том. Н-Рожд.)*».

3. Принцип номинации, объединяющий признаки номинации, описывающие вредные и опасные свойства растения, негативное воздействие на человека.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО. Волчник обыкновенный, *Daphne mezereum* L. Признак номинации «ядовитое растение». «*Всегда хочется нарвать букет, а нельзя, трудно они рвутся, а зубами нельзя, сок там ядовитый, обожжешь рот до язвы, вот за что зовут волчье лыко (Яйск. Арыш.)*».

ДУРМАН. Дурман обыкновенный, *Dature stramonium* L. Признак номинации «делающий человека дурным». «*Это дурман. Дуреют от его (Том. Н-Рожд.)*».

Оценка пользы и вреда в описываемых фитонимах содержится в коннотативной части значения слова, причем оценочные коннотации часто выражены скорее имплицитно, они «скрыты в семантике слова, подразумеваются» [11. С. 30]. Данные диалектные наименования растений содержат в своем значении указание на конкретную область применения или конкретный вред, которое выражается посредством признака номинации и определяет выбор принципа номинации. Таким образом, оценочная коннотация

эксплицитно не выражена, но подразумевается, что растение может быть полезным или вредным.

Исключение составляет группа фитонимов с семантикой «вред», обозначающих ядовитые растения (20 лексических единиц), травы, засоряющие сенокосные луга (5 лексических единиц), приносящие, по поверьям, несчастье (4 лексических единицы). В этих наименованиях оценочная коннотация выражена эксплицитно, редко посредством сакрального кода (ЧЕРТОВА ПАЛКА. Рогоз широколистный, *Typha latifolia* L.), в основном посредством зоологического кода, т.е. с использованием зооморфной и орнитоморфной метафоры.

В основе метафоры – образы животных, глубокими корнями уходящие в архаичное, мифологическое сознание народа, интенсивно использовавшиеся в традиционных славянских мифологии, фольклоре и обрядовой магии, – образы волка (9 фитонимов), вороны (6 фитонимов), сороки (5 фитонимов), собаки (1 фитоним), медведя (1 фитоним), змеи (1 фитоним), абстрактно зверя (1 фитоним). Например, **ВОЛЧЬЯ ЯГОДА.** Паслен персидский, *Solanum persicum* Willd. Признак номинации «растение с ядовитыми ягодами». «*Волчья ягода. От её не едят. Она ядовита. Красненька. Всё говорили: “Токо съешь – станешь волком”. Но она ядовита (Том. Н-Рожд.)*».

ВОРОНЕШНИК. Желтая лилия, *Nemerocallis flava* L. Признак номинации «растение с жестким стеблем, засоряющие покосы». «*Косишь, говоришь: «Ой, эта трава не едовая». Если воронешник, говоришь: «Ой, не едовая, скот не будет есть» (Зыр. Черд.)*».

Очевидно, что наиболее продуктивными для выражения в фитониме значения вреда являются образы волка, вороны и сороки, традиционно имеющие негативную окраску в славянском фольклоре, воспринимающиеся как демоническое, опасное или вредное, нечистое существо. В этих наименованиях к рациональной оценке растения как вредного добавляется оценка эмоциональная, которая с использованием традиционного кода культуры предупреждает не просто о вреде, но об опасности или существенном уроне.

В эту же группу фитонимов с эксплицитно выраженной оценкой, но с противоположным значением пользы, входят 6 фитонимов с положительным сакральным компонентом семантики, обозначающим лекарственные растения и растения, широко используемые в обрядовой практике (например, изгнание нечистой силы или похоронный обряд).

БОЖЬИ БАТОЖКИ. Пустырник пятилопастный, *Leonurus quinquelobatus* Gilib. Признак номинации «полезное, лекарственное растение».

БОГОРОДСКАЯ ТРАВА. Тимьян обыкновенный (ползучий), *Thymus serpyllum* L. Признак номинации «растение для сакрального использования». «*Богородская трава растёт. Её, знаешь, покойникам подушки набивали. Старухи рвали её, а кто умрёт – подушки набивали. (Том. Н-Рожд.)*».

Соотношение в исследуемом материале наименований растений с эксплицитным и имплицитным выражением оценочной коннотации составляет 12 и 88% соответственно. Это обусловлено прежде всего

экстралингвистическим фактором, а именно необходимостью сохранять, накапливать и передавать полученные практические знания о полезных и вредных свойствах растений в самой доступной для носителя языка форме. В этих условиях максимально точная информация о свойствах денотата становится ключевой задачей в процессе номинации, а задача субъективной оценки уходит в тень, в скрытые смыслы, в область имплицитной коннотации.

В рамках когнитивной диалектологии как новой формирующейся дисциплины в качестве одного из ее аспектов предполагается изучение когнитивных моделей восприятия действительности носителями диалекта [12. С. 140] и репрезентации полученного знания в говоре. В результате познавательной деятельности носитель диалекта концептуализирует и категоризирует полученные знания, в частности о мире растений. Относя их к категориям пользы или вреда, он кодирует в языке конкретную информацию об их свойствах посредством использования метонимической, метафорической или пропозициональной когнитивных моделей.

Метонимические когнитивные модели. В когнитивной лингвистике метонимия изучается как одна из базовых структур познания. «Нет ничего более обычного для людей, чем взять какой-нибудь один ясно понимаемый или легко воспринимаемый аспект чего-либо и использовать его для обозначения вещи в целом или какого-то ее аспекта или части» [13. С.111]. Метонимическая модель максимально отвечает цели точной передачи рационального, практического опыта, так как «позволяет точнее (чем метафора, прим. автора) сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается» [14. С. 62]. Этот взгляд на метонимию как способ организации, хранения и передачи именно практических знаний подтверждается исследованиями ономастологов, которые отмечают значительную роль метонимического переноса в прагматически направленном процессе номинации [15]. В рассматриваемом материале когнитивные категории пользы и вреда часто выражены именно метонимическими моделями – 84% фитонимов, относящихся к категории «польза», и 24% наименований, относящихся к категории «вред».

Рассмотрим, в каких вариантах реализуются в диалектной фитонимике Среднего Приобья метонимические модели, объективирующие знания о полезных и вредных свойствах растений.

1. Модель «болезнь» → «растение». Объективирует практические знания народной медицины об использовании растений для лечения заболеваний и болезненных состояний.

РАННИК. Володушка золотистая, *Bupleurum aureum* Fisch. «Моя бабушка говорила: «Володушка раны заживляет, поэтому и дали ей в народе название **ранник** (Яшк. Яшк.)».

ЧИРЬЁН-ТРАВА. Вороний глаз, *Paris quadrifolia* L. «Вороний глаз ещё **чирьён-трава** зовут. Когда чирьи, её прикладывают. Хорошо помогает. Прямо высасывает (Том. Яр.)».

ГЕМОРОЙНИК. Кровохлебка лекарственная, *Sanguisorba officinalis* L. «**Геморройник** состоит из

суставчиков. <...>. Много его тут. От геморроя (Кож. Ант.)».

2. Модель «орган» → «растение». Также кодирует в языке знания народной медицины, с точки зрения части тела или внутреннего органа, на которые растение оказывает лечебный эффект.

ГОРЛАНКА. Лапчатка гусиная, *Potentilla anserina* L. «Это трава **горланка**, когда горло болит (Том. Верш.)»

СЕРДЕЧНАЯ ТРАВА. Пустырник пятилопастный, *Leonurus quinquelobatus* Gilib. «А вот **сердечная трава** от давления и сердца хорошо помогает (Том. Бобр.)».

3. Модель «оказываемый эффект (воздействие)» → «растение». В этой концептуальной структуре отображается две области практического опыта деревенских жителей: А. Результат воздействия растения на человека, т.е. тот эффект, который наблюдается в поведении или в состоянии организма человека после приема плодов или самого растения целиком в пищу, либо в результате иного воздействия на рецепторы (например, запах). Б. Результат воздействия растения на качество жизни человека согласно сформировавшимся в культуре представлениям (приметам, поверьям).

А. ДУРНИШНИК, ДУРМАН. Дурман обыкновенный, *Datura stramonium* L. «Её как наедятся – дурит. <...> (Том. Н-Рожд.)».

БОЛИГОЛОВКА. Болиголов пятнистый (омег). *Conium maculatum* L. «Да и на покосе есть ядовитая такая трава, если её много нюхать будешь, то голова разболится. <...>. А называется **болиголовка** (Яшк. Полон.)».

Б. ХОЛОСТЯЦКАЯ ТРАВА. Ковыль перистый, *Stipa pennata* L.S. ampl. «Ковыль – холостяцкая трава, где ковыль, там бобыль, красивый, а ставить дома нельзя, один останешься (Юрг. Юрг.)».

4. Модель «блюдо» → «растение». Объективирует знания о применении растения для приготовления блюда (напитка).

БОРЩОВКА. Борщевик рассеченолистный. *Heracleum dissectum* Ledeb. «Ну, купури разные бывают, гладкие, а бывают с опушением такие – **борщовка** их ещё называют, потому что их в борщ ложили, борщ варили (Мар. Благ.)».

ПОЛЕВОЙ ЧАЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim. «**Полевой чай**, называется, белоголовник, растёт на лугах, в болотах. <...>. Мы, бывало, чай заваривали, он вкусный такой, приятный. (Ас. Каз.)».

5. Модель «предмет домашнего обихода» → «растение». С использованием этой метонимической модели передается опыт использования растений в быту, в домашнем хозяйстве.

ВЕНИК. Дескурайния струйчатая, *Descurainia sophia* (L) Webb. «Это называется кудрявец, **веник**, как его у нас называли... мели, ломали (Яшк. Полон.)».

6. Модель «животное» → «растение». Внутри этой модели различаются две области опыта практического применения растения: А. В качестве корма для сельскохозяйственных животных. Б. В качестве отравы для насекомых.

А. СВИНЯЧЬЯ ТРАВА. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. «Ещё **свиная трава** растёт, она по земле ползёт, длинная такая... А вот её свиньи едят, она в огороде по картошке растёт» (Яйск. Кайла).

Б. БЛОШНИК, КЛОПОВНИК. Багульник болотный, *Ledum palustre* L. «Багульник ещё от клопов. <...>. **Клоповник** ещё звали, **блошник** ещё звали (Том. Верш.)».

Метафорические когнитивные модели играют не менее важную роль в структуре познания, чем метонимические. Как и в метонимических моделях, вновь познаваемый объект сопоставляется в ментальной концептосфере путем апперцепции с ранее познанными объектами. В основе метафорической модели лежит сравнение, построение образно-ассоциативной связи между известным и новым опытом. Исследователи когнитивных основ метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «материальное основание метафор неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами» [14. С. 43].

Обращаясь к исследуемому материалу, отметим, что фитонимика «как фрагмент языковой картины мира отражает тесную связь в процессах номинации растений типового знания об обозначаемом с ментальными национально-культурными стереотипами воплощения этого знания в названии» [16. С. 73]. Рассмотрим на материале диалектных фитонимов, объективирующих категории пользы и вреда, использованные сознанием диалектоносителей при категоризации когнитивные метафорические модели и культурные коды, положенные в основу метафор. В говорах Среднего Приобья выявлен 61 фитоним, отвечающий этой характеристике, что составляет 12% от общего числа названий растений в категории «польза» и 42% в категории «вред». Низкая продуктивность метафорической модели для категории «польза» объясняется, прежде всего, тем, что «наличие метафоричности в названии – это, несомненно, отход от непосредственной ориентации на прагматический фактор в актах номинации» [15. С. 85], который играет важнейшую роль в объективации категории «польза».

1. Метафорическая модель, содержащая зоологический код культуры. Частично уже рассмотрена в статье ранее в связи с описанием выражения оценочных коннотаций. Характерна для категории «вред», в категории «польза» не встречается, содержит выраженную негативную оценку. (Примеры см. ранее.)

2. Метафорическая модель, содержащая антропологический код культуры. Объективирует А. образный перенос человеческих свойств характера или действий на растение.

Б. Представление о мужском или женском началах растения, имеющее фольклорно-мифологические корни и / или которое свойственно применять только женщинам (мужчинам). Данная метафорическая модель «свидетельствует о направленности интерпретации человеком внешнего мира через признаки собственной телесности» и о «значимости аспектов

физической и социальной активности человека в интерпретации внешнего мира» [17. С. 68].

ЗЛЮЧА КРАПИВА. Крапива малая, *Urtica urens* L. Растение со жгучими стеблями и листьями, «злючее». «Она ж такая паскуда: вот обожжётся, она и сегодня, и завтра ещё жгёт. Она ядовитая такая (Том. Ит.)».

ЛЮТИК. Лютик едкий, *Ranunculus acris* L. Ядовитое растение, «лютое». «Нет, это **лютики**, а у нас куриная слепота называли. Говорили, если к глазам поднести – ослепнешь (Том. Бог.)».

БЛАГОРОДНАЯ ТРАВА. Тимьян обыкновенный (ползучий), *Thymus serpyllum* L. Растение, обладающее лекарственными свойствами и используемое в обрядовой практике. «Её рвали, когда вот умрёт человек или просвещали. Рвали траву и ходили в церковь, к попам, чтоб святили её. Её посвятят, в дом принесут. Как говорят, домовый там. Вот эту траву расстилали, и домовый уходил из дома. И теперь из-за этого её назвали **благородной травой** (Яйск. Мальц.)».

МАРЬИН КОРЕНЬ. Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala* L. Растение, семена которого девушки используют в качестве бус. «А когда отцветает **марьин корень**, то семянушки у него как в коробочки запрятаны и похожи на чёрные бусики. Когда я была девчонкой, то собирали эти пуговки и делали себе бусы (Чебул. Шест.)».

3. Метафорическая модель, содержащая артефактный код культуры. Объективирует А. Сравнение с явлениями, предметами Б. Сравнение с другим растением по схожим свойствам, схожей области применения.

ОГОНЬ-КРАПИВА. Крапива малая, *Urtica urens* L. Растение со жгучими стеблями и листьями, обжигающее, как огонь. «Жгучка, **огонь-крапива** в огороде растёт (Алекс. Св. Пр.)».

СИБИРСКИЙ ЖЕНЬШЕНЬ. Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala* L. Растение с многочисленными лекарственными свойствами корня, в том числе схожие по оказываемым эффектам на женьшень. «Все его раньше заготавливали корень, его называли у нас здесь в Сибири **сибирский женьшень**. Очень полезное растение, лекарственное (Яйск. Полом.)».

4. Метафорическая модель, содержащая сакральный код культуры. Связана с обрядовыми традициями и архаичным сознанием народа, комплексом примет и поверий. Как и категории «польза» и «вред» имеет полярную структуру, выраженную дихотомией «добро» и «зло».

БОГОВЫ БАТОЖКИ. Зопник клубненосный, *Phlomis tuberosa* L. Растение обладает лекарственными свойствами. «Ну, она от головы принимается, от многих болезней (Яйск. Итк.)».

ЧЁРТОВЫ ПАЛОЧКИ, ЧЁРТОВЫ ПОЛОСКИ. Рогоз широколистный, *Typha latifolia* L. По народным поверьям нельзя срывать и приносить в дом, приносит обитателям несчастье и привлекает нечистую силу. «Ребятишки камыш принесли домой, так мама его весь выкинула. «Нельзя, – говорит, – домой **чёртовы палочки** приносить, тёмная сила возьмёт власть над нами, и дома одни несчастья будут» (Кож. Урт.)».

«Камыш растёт по берегам прудов, его ещё чёртовыми полосками называют, его в доме ставить нельзя, плохая примета (Яйск. Арыш.)».

Пропозициональные когнитивные модели объективируют знание о свойствах растений как таковых, которые, тем не менее, могут быть оценены человеком как полезные или вредные и отнесены к соответствующей категории. В понимании когнитивной лингвистики, пропозициональная когнитивная модель – это модель, «которая не использует механизмы воображения, т.е. метафору, метонимию или ментальные образы» [13. С. 370]. В языке пропозициональная модель реализуется прямым способом номинации, т.е. непосредственным выражением в звуковой оболочке слова, в его корневой морфеме объективного признака растения, положенного в основу наименования.

В исследуемом материале у пропозициональных моделей есть сходство с метонимическими по типу «оказываемый эффект (воздействие)» – «растение». Тем не менее между ними есть существенное различие, на основании которого эти модели отнесены к разным классификациям. Различие заключается в субъектно-объектном подходе к полученному знанию. Как писал исследователь когнитивных моделей Дж. Лакофф, «когда мы осмысливаем наш опыт, проектируя на него пропозициональные модели, мы накладываем на мир объективистскую структуру» [Там же. С. 371]. В метонимической модели воплощается принцип субъектного состояния в результате воздействия растения, в пропозициональной – свойство объекта, которое может нанести субъекту вред или быть полезным. Большинство понятий, концептуализированных пропозициональной моделью, выражены в языке отглагольными существительными и прилагательными, обозначают растения с режущими, колющими и жалящими стеблями и листьями и относятся к категории «вред».

ЖАЛЬНИК (ЖАБРЕЙ). Жабрей двураздельный, *Galeopsis bifida* Boening. Растение с колючим, жалящим стеблем, растение, которое «жалит». *«Жабрей, он колючий, опасный. Вот раньше, когда хлеб сеяли, то его веляли на вейлке, чтоб он не попал в зерно (Яйск. Полом)».*

ЖАЛЮЧКА. Крапива малая, *Urtica urens* L. Растение с колючим, жалящим стеблем и листьями, растение, которое «жалит». См. ЗЛЮЧА КРАПИВА, ОГОНЬ – КРАПИВА.

РЕЗУЧКА. Осока, *Carex* L. Растение с режущими, острыми листьями, растение, которое «режет». *«Осока, ну она резучка, так она резучка. Её хоть скоси, хоть сеном, всё равно режешься (Том. Ит.)».*

Единичные примеры, представляющие категорию «польза», описывают целебные свойства растения как объекта.

РОМАШКА ЛЕЧЕБНАЯ. Ромашка дисковидная, *Matricaria matricariodes* (Less.) Porter. Растение, имеющее лечебные свойства, которое «лечит». *«Ромашка вот эта тоже лечебная. Эта ромашка махровая, лечебная. (Том. Аник.)».*

Всего пропозициональные когнитивные модели реализованы в 34% фитонимов категории «вред» и в 3% фитонимов категории «польза».

Следует отметить, что существуют фитонимы, категория «польза» в которых объективирована гибридной метонимо-метафорической моделью. Это наименования растений, которые реализуют в наименовании и метафорический антропологический культурный код, и метонимическую модель «напиток» – «растение». Это полисемичные фитонимы ИВАН-ЧАЙ и ВАНЬКА-ЧАЙ.

ИВАН-ЧАЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim. *«Его ещё называют не белоголовник, а иван-чай. По полям едешь – его много. Вкусно пахнет, как мёдом. Чай им часто заваривают (Чебул. Н-Ал.)».*

ВАНЬКА-ЧАЙ. Кипрей узколистный, *Chamaenerium angustifolium* (L.) Scop. *«Ванька-чай это, дикий. Из него чай заваривают. Чай светлый (Колп. Тиск.)».*

Сводная информация о продуктивности когнитивных моделей приведена в таблице.

Продуктивность когнитивных моделей в диалектной фитонимике, %

Когнитивная модель	Категория «польза»	Категория «вред»
Метонимическая	84	24
Метафорическая	12	42
Пропозициональная	3	34
Метафорическая + метонимическая	1	0

Обобщим основные результаты проведенного анализа:

1. Категории «польза» и «вред» сформированы на основе опыта языкового коллектива как познающего субъекта и объективируются в языке утилитарной оценкой, выраженной семантической оппозицией «польза – вред». В говорах Среднего Приобья категории «польза» и «вред» представлены, в частности, в комплексе знаний и представлений о практическом применении, полезных и вредных свойствах мира растений и объективированы диалектными фитонимами, содержащими оценочную коннотацию.

2. Оценочная коннотация с семантикой «польза» и «вред» чаще выражена имплицитно, подразумевается, исходя из значения фитонима как «растения с полезным применением» или «растения, которое может нанести вред». Имплицитную оценочную коннотацию содержат 88% исследованных фитонимов. Остальные 12% названий растений содержат оценочную коннотацию, выраженную эксплицитно посредством зоологического или сакрального кода, и большая часть этих фитонимов – опасные, ядовитые растения.

3. Комплекс знаний о полезных и вредных свойствах растений объективируется диалектоносителями посредством языка, которые опираются в процессе наименования на ту или иную когнитивную модель концептуализации действительности. Необходимость хранения и точной передачи последующим поколениям накопленного опыта о конкретном практическом применении растений для лечения того или иного заболевания или органа, использования его домашними животными в качестве корма или человеком в своем повседневном быту обуславливает доминирование

в исследуемом материале фитонимов с объективацией категории пользы на основе метонимической модели. Метафорическая и пропозициональная модель чаще используются при кодировании информации о потенциальном вреде, особенно если растение является ядовитым. В таких случаях метафора усиливает рациональное знание эмоциональным компонентом,

название растения не просто предупреждает о возможном вреде, но и пугает опасностью, как страшной сказкой.

4. Метафорическая когнитивная модель базируется на культурном опыте коллектива носителей диалекта, объективируясь в языке посредством зоологического, сакрального, артефактного и антропологического кодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
2. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: семантические категории в русском языке : сб. ст. Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 1996. С. 54–62.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 226 с.
4. Ягубова М.А. Оценка в языковой картине мира // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов : Колледж, 1996. Вып. 26. С. 30–40.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
6. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–28.
7. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008. Т. 1–3.
8. Определитель растений on-line. Открытый атлас сосудистых растений России и сопредельных стран. URL: <http://www.plantarium.ru/> (дата обращения: 10.04.2016).
9. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М. : Наука, 1967. 258 с.
10. Копчева В.В. Соотношение естественной и искусственной номинации (на материале названий растений) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 253 с.
11. Шаховский В.И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения : сб. ст. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 29–34.
12. Демешкина Т.А. Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста // Язык и метод 2: русский язык в лингвистических исследованиях 21-го века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Краков, 2015. С. 137–146.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М. : Гнозис, 2011. 515 с.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. Голев Н.Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны // Говоры русского населения Сибири : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 76–87.
16. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург : Изд-во Дома учителя, 2001. 150 с.
17. Резанова З.И. Мир и человек в системе взаимных метафорических отражений: среднеобские говоры // Резанова З.И., Галимова Д.Н., Калиткина Г.В., Коберник Л.Н., Наденна Л.В. Картины русского мира: Метафорические образы традиционной культуры. М. : ЛЕНАНД, 2014. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 сентября 2016 г.

CATEGORIES OF BENEFIT AND HARM IN DIALECT PHYTONYMY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 24–30.

DOI: 10.17223/15617793/412/4

Irina V. Lukyanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irluk11@gmail.com

Keywords: dialect phytonymy; popular plant names; cognitive dialectology; evaluative connotation; categorization; cognitive model; metonymy; metaphor.

The article considers objectivization of extralinguistic categories of benefit and harm in Siberian dialect phytonymy. Cognition of the reality includes its axiological understanding. A human's ability to categorize the reality by his subjective perception, which consists of rational conclusions and emotive reactions, is objectified in language by evaluation as a semantic category. The practical experience is connected with rational, utilitarian evaluation, for example, evaluation of benefit or harm. This evaluation objectifies the categories of benefit and harm, which have a cognitive nature, in language. The article describes the results of a research of dialect names of wild plants in which these categories are represented. The informative source of the research was the *Dictionary of Phytonyms of the Middle Ob* in 3 v. [7]. About 1800 wild plant names were selected by the continuous sampling method. To identify nominations with utilitarian evaluation, an onomasiological analysis was made. It consists in the determination of nominative features and principles. As a result, three principles of nomination were identified; they are common for 280 names of plants that are useful or harmful for people. These principles are: "plant useful for people", "plant useful for domestic animals", "harmful and dangerous plants". The estimation of benefit or harm is in the connotative part of the word meaning. The article describes the explicit and implicit expression of evaluative connotation. 88 % of the analyzed phytonyms have an implicit evaluative connotation. The other 12 % have an explicit evaluative connotation expressed by the zoological or sacred code, and most of them are names of dangerous plants. The complex of knowledge about the useful and harmful features of plants is objectified by dialect speakers in language and they use one of the cognitive models of reality conceptualization in the nomination process. The article describes metonymic, metaphoric and propositional cognitive models, assesses their productivity in the analyzed material. Based on the result of the research, the metonymic cognitive model is the most productive in phytonyms of the category "benefit": it objectifies 84 % of names; while the metaphoric cognitive model is presented only by 12 % of names, the propositional cognitive model by 3 % of phytonyms, and the hybrid model "metaphoric+metonymic" by 1 %. The category "harm" is characterized by productivity of the metaphoric and propositional models (42 % and 34 % accordingly), while the metonymic model is objectified only in 24 % of names of plants. The article describes six types of the metonymic model and the culture codes metaphoric models are based on; the difference between the propositional and metonymic models is proved.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [The types of language meanings. Evaluation. Occurrence. Fact]. Moscow: Nauka.
2. Vasil'ev, L.M. (1996) Semanticheskaya kategoriya otsenki i otsenochnye predikaty [Semantic category of evaluation and evaluative predicates]. In: Gaysina, R.M. et al. (eds) *Issledovaniya po semantike: semanticheskie kategorii v russkom yazyke* [Semantic research: semantic categories in Russian]. Ufa: Bashkir State University.
3. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantic of evaluation]. Moscow: Nauka.
4. Yagubova, M.A. (1996) Otsenka v yazykovoy kartine mira [Evaluation in the linguistic picture of the world]. In: Sirotinina, O.B. (ed.) *Voprosy stilistiki. Yazyk i chelovek* [The questions of stylistics. Language and human]. Vol. 26. Saratov: Kolledzh.
5. Kubryakova, E.S. et al. (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Moscow State University Faculty of Philology.
6. Boldyrev, N.N. (2007) Reprezentatsiya znaniy v sisteme yazyka [Representation of knowledge in the language system]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4. pp. 17–28.
7. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of phytonyms of the Middle Ob]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
8. Plantarium.ru. (n.d.) *Opredelitel' rasteniy on-line. Otkrytyy atlas sosudistyykh rasteniy Rossii i sopredel'nykh stran* [Field guide of plants on-line. Open atlas of Tracheophytes in Russia and cross-border regions]. [Online] Available from: <http://www.plantarium.ru/>. (Accessed: 10th April 2016).
9. Merkulova, V.A. (1967) *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy* [Essays of Russian folk botany]. Moscow: Nauka.
10. Kopocheva, V.V. (1985) *Sootnoshenie estestvennoy i iskusstvennoy nominatsii (na materiale nazvaniy rasteniy)* [Interrelation of natural and artificial nomination (based on plant names)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
11. Shakhovskiy, V.I. (1982) K tipologii konnotatsii [On connotation typology]. In: Popova, Z.D. et al. (eds) *Aspekty leksicheskogo znacheniya* [The aspects of word meaning]. Voronezh: Voronezh State University.
12. Demeshkina, T.A. (2015) [Cognitive-discursive analysis of dialect text]. *Yazyk i metod 2: russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21-go veka. Lingvisticheskiy analiz na grani metodologicheskogo sryva* [Language and method 2: Russian in linguistic research of the 21st century. Linguistic analysis on the edge of methodological frustration]. Proceedings of the international conference. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. (In Russian).
13. Lakoff, J. (2011) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi* [Women, Fire and Dangerous Things]. Translated from English. Moscow: Gnozis.
14. Lakoff, J. & Johnson, M. (2004) *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
15. Golev, N.D. (1983) Voprosy otozhdestvleniya, klassifikatsii i nominatsii v russkoy narodnoy leksike flory i fauny [The questions of identity, classification and nomination in Russian folk vocabulary of flora and fauna]. In: Palagina, V.V. (ed.) *Govory russkogo naseleniya Sibiri* [Dialects of the Russian population of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Konovalova, N.I. (2001) *Narodnaya fitonimiya kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Folk phytonymy as a part of linguistic picture of the world]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Doma uchitelya.
17. Rezanova, Z.I. (2014) Mir i chelovek v sisteme vzaimnykh metaforicheskikh otrazheniy: sredneobskie govory [The world and the human in the system of metaphors: the Middle Ob dialects]. In: Rezanova, Z.I. et al. *Kartiny russkogo mira: Metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury* [Images of the Russian world: metaphorical images of traditional culture]. Moscow: LENAND.

Received: 05 September 2016